

ОБРАЗ ВРАГА: ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЮЮЩИХ НАЦИЙ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

*А. Форрест**

ДОСТОЙНЫЙ ПРОТИВНИК ИЛИ ПОРОЧНЫЙ ДИКАРЬ? ВОСПРИЯТИЕ ВРАГА В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ И ИМПЕРИИ

16 июня 1809 г., на третий день после сражения при Раабе в Австрии, французский дворянин Жак Шевийе описывал в своем письме одного из вражеских солдат, с которым ему пришлось сражаться. Это был такой же человек, как и сам Шевийе, наделенный теми же рефлексами, разделявший те же страхи и мелкие удовольствия: в описании француза враг не выглядит чудовищем. Однако пишущего удивило при столкновении, прежде всего, их несходство: тучность, угроза в глазах, другое поведение – все то, что отличало его противника от французских военных. Когда Шевийе потребовал, чтобы противник сдался, «этот солдат внезапно остановился, вздумал сопротивляться, скрестив со мной штык; он ответил мне на хорватском языке, которого я не понял». Вскочив на лошадь, молодой француз принялся кружить вокруг врага, «что дало мне время рассмотреть этого презренного солдата, который не хотел считаться со мной». И что же он увидел? Человека одновременно грубого и уязвимо-го, жестокого и боязливого. «Это был толстый хорватский увалень, совершенно неотесанный, похожий больше на дикаря, чем на нормально-го солдата. Распахнутая куртка открывала широкую обнаженную грудь; лицо и воротник его почернели от жира и пороха, вероятно, он потерял шапку, потому что голова его была непокрыта, густые черные волосы были взъерошены и закрывали ему глаза». И в данных обстоятельствах, в этой несчастливой встрече хорват был, прежде всего, врагом, которого нужно было убить, чтобы избежать опасности и не быть убитым самому. У них не было времени на те мелкие жесты, которые могли бы устано-

* Алан Форрест, профессор Йоркского университета, директор Центра изучения XVIII в.

вить между ними хоть некое подобие братства. Будучи врагом, он должен быть повержен, уничтожен. Шевийе заключает: «Я вновь грозно приказал ему бросить ружье. Тогда, то ли из страха, то ли желая спастись, он попятился назад, не опуская штыка. Его упрямство лишь подстегнуло меня; два-три прыжка лошади — я был слева и нанес ему сильный удар саблей по голове, он упал»¹.

Во время войны смерть противника — повседневное событие, и сам факт убийства другого человека не вызывает никаких особых эмоций. Именно такого поведения от него ожидают, и нет никаких оснований предполагать, что это убийство взволновало Шевийе или лишило его сна. Сын солдата, он родился в среде, проникнутой воинственным духом, в Ла-Фэр в Пикардии; юность его прошла под сенью армейских знамен, и он мечтал лишь о том, как самому сделаться солдатом². Между тем, его описание хорвата необыкновенно благодаря тем деталям, которые выдают определенный интерес, даже некую симпатию к этому только что поверженному противнику, которого он сравнивает с «дикарем». Этот интерес зародился из личного опыта на войне и из некой новой близости, установившейся с обитателями других европейских стран, даже самых далеких. Перед тем как попасть в Австрию, юный трубач, записавшийся в армию в возрасте 15 лет, уже совершил увлекательное путешествие на службе императору, проехав из Голландии в Германию, из Италии в Австрию и Венгрию. Это путешествие, ставшее для него почти что обрядом посвящения во взрослую жизнь, открыло перед ним весь европейский континент. Постепенно люди, которым он должен был противостоять, переставали казаться незнакомцами или варварами, внушающими страх; это были такие же европейцы, как и он сам, люди, чьих родственников он встречал в деревнях, лежавших на его долгом пути. Это были такие же европейцы, с которыми можно побеседовать, найдя некий общий язык.

Тот же самый Шевийе рассказывает, что в 1809 г. в Италии, под деревней Бальоне, он с товарищами натолкнулся на двух гусаров из австрийской армии, которые вместо того чтобы напасть, знаком подозвали их к себе и предложили выпить вместе. У Шевийе во фляге было местное вино, а австриец, с которым он общался, держал в руках хорошую водку. Разумеется, вначале французы оставались настороже, опасаясь ловушки. Однако солдатское любопытство и общительность одержали верх, и по истечении нескольких напряженных минут, говоря по-итальянски, под пристальными взглядами товарищей, двое мужчин в сцене, напоминающей эпизод из Первой мировой войны, решились побрататься. Каждый пересек рукав реки и достиг островка, бывшего нейтральной террито-

¹ *Chevillet J.* Souvenirs d'un cavalier de la Grande Armée, 1800—1810. P., 2004. P. 229.

² *Bourachot Ch.* Présentation // *Ibid.* P. 7.

рией, где они и провели добрую четверть часа, выпивая за здоровье друг друга. Шевийе объяснял в письме к отцу, что значил для него этот миг, высоко им оцененный. «Тогда мы выпили каждый из своей фляги за здоровье другого и предложили выпить друг другу, я — вина, а он — водки, и так повторилось три или четыре раза. Вот так, отец, — добавляет Шевийе, — мы: ваш сын, трубач Восьмого полка конных стрелков, и гусар из полка Марии-Терезии, которые ведут непримиримую войну — мы, похоже, примирились и опустили оружие, выпив вместе с равным доверием друг к другу. По тому, как мы вели себя, можно было подумать, что мы давно знакомы и походим скорее на друзей, нежели на врагов; гусар бывал во Франции и сохранил уважение к французам»³.

Этот эпизод показывает, в какой мере жизнь военного, при благоприятных обстоятельствах, может способствовать тому, чтобы развеялась враждебность между людьми и культурами, даже между противниками. Желание узнать друг друга рождается из странствий по Европе и из первой встречи с другими людьми и культурами, которая раздвигает духовные горизонты и накладывает отпечаток на мировосприятие солдат на всю оставшуюся жизнь. Это происходит как с новобранцем, вырванным против собственной воли из родной деревни, так и с кадровым офицером, чья жизнь связана с почти постоянными переездами. Ни одно другое поколение не путешествовало так далеко, как поколение 1790—1800 гг., участвовавшее в войнах в Европе и за ее пределами. И позднее таких странствий, в сопоставимых масштабах, не повторит ни одно другое поколение, за исключением того, на чью долю выпадет война 1914—1918 гг.

Солдат-путешественник

Разумеется, солдаты во все времена были путешественниками, и дух приключений и экзотики входит в число извечных удовольствий войны. Представители самых знатных сословий очень часто называли вкус к странствиям среди причин, побудивших их избрать военную карьеру. В письмах домой, на страницах путевых дневников и воспоминаний, рассказ о странствиях, сопряженных с открытиями и приключениями, становится чем-то почти обыденным. Некоторые, как это случается во все времена, искали в военной службе возможности сбежать от семьи, из своей деревни, в первый и, может быть, единственный раз в жизни познать неведомое. И потому годы Революции и Наполеоновских войн, как в Европе, так и в Северной Африке или Карибских колониях, стали тем периодом, когда особенно популярны сделались путешествия и разнообразные поездки. Во Франции молодые люди, которые вряд ли когда-нибудь поехали бы дальше ближайшего торгового города, встре-

³ *Chevillet J. Op. cit. P. 171—73.*

чали чужестранцев и слышали незнакомые языки и наречия; а пересекая границу, они открывали целый континент, его пейзажи, крупные города, замки и соборы, разные культуры и народы. Именно благодаря войнам они превратились в отважных путешественников, больших знатоков Европы, наследников тех дам и господ Старого порядка, которые, располагая достаточными средствами, могли позволить себе совершить Гранд Тур⁴ и вкусить удовольствие от странствий. Среди офицеров революционных батальонов и в Великой армии императора находились те, кто сами проводили эту параллель и, жадно читая литературу о путешествиях, перенимали у самых знаменитых авторов-путешественников их стиль и любознательность. Естественно, это чтение еще до отъезда формирует их ожидания, предчувствия, взгляд на то, что они увидят в той стране, куда направляются. Солдат-путешественник, как и его гражданский собрат, находятя под влиянием своих предшественников, гражданских и военных писателей. Его повествование окрашено размышлениями, которые уже заранее сложились в его воображении, — зачастую усвоенными задолго до отъезда.

XVIII век стал особым периодом в истории путешествий, как во Франции, так и в Европе. Гранд Тур был изобретением холодных северных стран, торговых и протестантских, ощущавших, что им не хватает латинской культуры, и стремившихся приблизиться к своим классическим корням. Романист Энтони Берджесс точно уловил это настроение: «Если немец или англичанин не желает хоть немного поддаться влиянию Юга, — пишет он, возможно, чуть-чуть преувеличивая, — то всегда сохраняется опасность того, что он в лучшем случае станет грубым, а в худшем — диким»⁵. Аристократические семьи задают тон в традиции образовательного путешествия, в котором особое место отводится Италии, восхваляемой целыми поколениями, воспитанными в почтении к греко-римской культуре. Однако Греция находится слишком далеко, и они устремляются в Италию, привлеченные величием городской архитектуры и руинами исчезнувшей цивилизации. Между тем, несмотря на готовность любоваться руинами, сам факт существования таковых подсказывает путешественникам, что перед ними — общество, находящееся в полном упадке, одичавшая страна, оказавшаяся на задворках современ-

⁴ Гранд Тур (фр. Grand Tour — Большое путешествие) — термин, принятый с эпохи Возрождения для обозначения обязательных поездок, совершаемых в образовательных целях сыновьями из знатных фамилий Европы (а позднее также из богатых буржуазных семей). Маршрут этих путешествий, длившихся иногда по нескольку лет, обычно пролегал через Францию, Центральную Европу, Италию, Испанию. В более широком смысле Гранд Тур означал также образовательное путешествие и более старших представителей указанных слоев европейского общества. — *Прим. пер.*

⁵ Burgess A. Le voyage en Europe // Le Grand Siècle du voyage. Paris: 1968. P. 13.

ной цивилизации⁶. С Эпохи Возрождения античные руины превратились в источник вдохновения для тех, кто причислял себя к иудео-христианской цивилизации, чем и объясняется почти неизменная притягательность средиземноморских стран. Разумеется, другие города и страны также привлекают туристов, особенно Франция эпохи Просвещения, Швейцария и Женева, которую воспринимают как город Жан-Жака Руссо и одну из колыбелей современной философии. В путешествии всегда отправляются прежде всего для того, чтобы увидеть, научиться, усвоить некоторые черты духа разных народов и впитать атмосферу различных мест. Естественно, образ Гранд Тур неразрывно связан с наслаждением и фривольностью, на полотнах и в книгах о путешествиях той эпохи доминируют статичные изображения панорам и осмотренных достопримечательностей⁷. Однако на протяжении XVIII столетия туризм становится более серьезным, более уточненным. Каждый путник хочет прослыть художником и этнографом; все, даже самые знатные, испытывают на себе влияние нового поколения путешественников, принадлежащих к миру торговли и науки⁸.

Французские путешественники входят в число пионеров, хоть и не в полной мере разделяют любовь к странствиям, присущую их соседям по ту сторону Ла-Манша. Подобно англичанам, они питают слабость к Италии с ее античным наследием и бесчисленными произведениями искусства. Те, кто устремляется туда во второй половине столетия, пользуются многочисленными изданиями, которые распахивают перед ними ворота больших городов и объясняют очарование археологических памятников. В 1758 г. было опубликовано «Путешествие в Италию» Кошена, которое, как поясняет Жиль Бертран, открывает традицию подробных путеводителей, где будут господствовать повествования в стиле Ришара и Лаланда, отмеченные энциклопедическим духом. Следует заметить, что люди, обращающиеся к путеводителям, обычно жаждут приобщиться к культуре, и книги, естественно, содержат множество подробных описаний архитектурных и античных сооружений, но также и сведений о науке, культуре и художественной жизни. Путешествие было длительным и дорогостоящим, и обычно избирался уже известный, заранее намеченный маршрут, повторяющий маршруты предшественников. Что касается самих путешественников, то их тип эволюционирует довольно медленно. В 1760–1770 гг. конкуренцию традиционному типу путешественника — художнику, литератору или архитектору — составили

⁶ *Black J.* Italy and the Grand Tour. New Haven, 2003. P. 7.

⁷ *Chard Ch.* Introduction // *Transports: Travel, Pleasure and Imaginative Geography, 1600–1830.* New Haven, Connecticut, 1996. P. 25.

⁸ *Bertrand G.* Le Grand Tour revisité. Pour une archéologie du tourisme: le voyage des Français en Italie, milieu 18e- début 19e siècle. Rome, 2008. P. 489.

представители мира торговли, а также «ученые мужи», в их числе Лаланд и Кассини. Во времена Революции и Империи эволюция продолжалась, и ряды путешественников пополнились, разумеется, писателями, такими как Шатобриан и мадам де Сталь, но также художниками и учеными, получавшими государственное жалование, равно как и теми, кто вызывает у нас особый интерес — «разноликой когортой военных»⁹. Их восприятие стран и народов, встреченных по пути — это взгляд поколения, переходящего от Просвещения к Романтизму. Естественно, оно всегда окрашено чувством превосходства, внушенным Империей. Как очень точно заметил Николя Бургина, «это очень напоминает этнографические взгляды империалистического типа, когда разнообразие завоеванной Европы обязательно оценивается с точки зрения прогресса, который воплощает в себе французская цивилизация»¹⁰.

Несомненно, наибольшее влияние оказывают сочинения литераторов, печатающиеся большими тиражами и получающие широкое распространение; более романтический стиль конца столетия и времен Наполеоновских войн лишь усилил их популярность и оборот. Подобно Вальтеру Скотту в Англии, во Франции широкая публика, в число которой входят и офицеры Великой армии, зачитывается Шатобрианом и Жерменой де Сталь. И тому есть причины. Это очень доступные авторы, умеющие описать атмосферу городов и нравы соседних стран, куда в свой черед отправятся военные. Возьмем, к примеру, книгу «О Германии» мадам де Сталь, где она излагает свои впечатления от посещения немецких городов и описывает с проницательностью, иногда довольно желчной, нравы и обычаи тех краев. Например, она пишет об очаровании немецких женщин, которые «стараятся понравиться, взывая к чувствительности, завоевав воображение; им знаком язык поэзии и изящных искусств, они кокетничают с воодушевлением, подобно тому, как во Франции кокетничают остроумно и легко»¹¹. Какой гвардеец не был бы сражен ими? Или же возьмем блестящее описание удушливой вежливости венского высшего общества. «Строгое соблюдение правил приличия, которое в некотором отношении является добродетелью, привело к распространению в Вене самых скучных обычаев из тех, что только можно себе представить. Вся честная компания вместе кочует из одного салона в другой три-четыре раза в неделю. Теряют время на туалет, приличествующий для таких важных собраний, теряют время на улице, на лестнице, ожидая, когда подойдет время подать их карету, теряют время, просиживая

⁹ Ibid. P. 10–11.

¹⁰ Bourguinat N. Un temps de rupture dans l'histoire des pratiques du voyage // Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal: contraintes nationales et tentations cosmopolites, 1790–1840. P., 2007. P. 15.

¹¹ Staël G., de. De l'Allemagne (1810/1813) — Quoted in: Le Grand Siècle. P. 83.

по три часа за обедом; и в таких многочисленных собраниях не услышишь ничего, что выходило бы за рамки привычных условностей». И в заключение мадам де Сталь выносит меткое суждение: «Эта ежедневная рисовка друг перед другом есть ловкая выдумка посредственных умов, чтобы уничтожить самую способность мыслить. Если бы признали, что мысль — это болезнь, требующая строгого лечения, нельзя было бы придумать ничего более действенного, чем такого рода развлечение, одуряющее и безвкусное, ибо такое развлечение не позволяет развить никакой идеи и превращает язык в какое-то воркование, которому можно обучить как людей, так и птиц»¹². «О Германии» — это книга, которую трудно рассматривать как простое описание путешествия, ее следует смаковать!

Любовь к экзотике

XVIII в. породил также любовь к экзотике, к восточным странам и культурам, к поездкам за пределы старого континента. С этой точки зрения наибольшим уважением пользовался Константен-Франсуа, граф де Вольней, известный серией книг и, особенно, «Руинами, или Размышлениями о революциях империй», опубликованными в 1791 г., а также «Путешествием в Сирию и Египет», увидевшим свет четырьмя годами ранее, после путешествия автора на Ближний Восток¹³. Поражает метод, использованный в книге, и ее обстоятельность. Автор приводит сведения об этнической картине в Египте, о религиозных практиках, о законах, главным образом, о законе о собственности, о культуре и традициях, истории и исторических монументах. В текст включены восемь гравюр, карт и планов, в том числе изображения Сфинкса и пирамид Гизы, вызвавшие особый интерес; к тому же там есть гравюры некоторых крупных археологических памятников этого региона. Книга пользовалась большим успехом и выдержала несколько изданий, из которых третье, 1799 г., наиболее подробное, появилось как раз тогда, когда экспедиция Наполеона в Египет вызвала новый всплеск интереса у широкой публики. В число его читателей входили, несомненно, офицеры и ученые, готовившиеся к отправке в Северную Африку. Сам Наполеон читал Вольнея перед отъездом на Ближний Восток и не скрывал своего восхищения, заявив в *Moniteur*, что это была «практически единственная книга, которая не лгала»¹⁴. И это очевидное доказательство того, что в бурлящем конце столетия проснулся невероятный интерес к другим цивилизациям и существовал культурный обмен между литературной и военной средой.

¹² Ibid. P. 89.

¹³ Volney C.-F. Voyage en Syrie et en Egypte. P., 1787.

¹⁴ Réimpression de l'Ancien Moniteur, 5 brumaire VIII; Anne Deneys-Tunney and Henri Deneys, introduction to Volney. Oeuvres. Vol. 3. P., 1998. P. 5.

Хоть страсть к чтению и образованность в духе просветителей, отмечавшие Наполеона, были для той эпохи скорее исключением — было не так много генералов, кто прочитал бы великие классические труды по истории и военному делу или отправился бы на войну, прихватив с собой целую библиотеку — офицеры все-таки были людьми книги, цивилизованными и наделенными определенной широтой взглядов.

Французские офицеры попадали в другие европейские страны, вооруженные некоторыми ожиданиями и суждениями, почерпнутыми из книг. Даже в самых тяжелых обстоятельствах они интересовались способами ведения сельского хозяйства и городской архитектурой; они судили о пейзажах, особенно о скалах, ущельях, горных вершинах, столь популярных у путешественников, совершавших Гранд Тур, и вызывавших беспокойство или ощущение опасности. Это привычка, заимствованная у авторов XVIII столетия, в особенности у тех, кто уже стоял на грани романтизма. Эти суровые пейзажи представлялись дикими, далекими, труднодоступными краями, неким тайным миром, куда проникает турист. «Остров Капри, имеющий в окружности примерно десять миль, со всех сторон окружен высочайшими скалами, и, как я вам уже сообщал, попасть туда можно лишь через маленький порт, находящийся против Неаполитанского залива»¹⁵. Эта фраза, принадлежащая перу маркиза де Сада, типична для литературы путешествий того периода, и мы обнаружим ее в различных вариациях в сочинениях военных, которые подчеркивают самые драматические, самые экзотические и чудесные черты открывающихся их взору пейзажей. Тем самым они угождают читателям этой литературы путешествий, для которой привычным стало описание чего-то исключительного, видов редкостных, утонченных и далеких от повседневного опыта. В частности, очень часто исторические монументы представлялись будто обнаженными, одинокими, купающимися в лунном свете. Подобно Колизею, описанному Луи Симоном в его «Путешествии в Италию и на Сицилию» (1828): «Мягкий, размытый свет, который он отбрасывал на валуны, сгрудившиеся вокруг арены, не позволял разглядеть ни одной печальной детали, свидетельствующей об упадке, ничего, что напомнило бы о линейке и циркуле. Некое идеальное величие, без цвета и почти без формы, высилось в одиночестве, и это рукотворное сооружение из стен и сводов можно было принять за кратер потухшего вулкана с крутыми стенами жерла»¹⁶. В военных мемуарах встречается то же стремление к строгости и утонченности.

¹⁵ *Chard Ch.* *Pleasure and Guilt on the Grand Tour: Travel writing and imaginative geography, 1600–1830.* Manchester, 1999. P. 10.

¹⁶ *Simond L.* *Voyage en Italie et en Sicile. 2 vols., Paris, 1828. Vol. 1, P. 218.* — Quoted in *Chard Ch.* *Op. cit.* P. 228.

Взгляд военного

Однако они осматривают страну и как военные, никогда не забывая о значении рельефа для продвижения вперед и об опасностях, которые может скрывать пейзаж. Ипполит д'Эспэншаль, к примеру, описывает дорогу, по которой они движутся, и в этом описании угадывается опытный солдатский глаз. «Дорога была очень красива, но опасна, — пишет он. — Мы долго шли меж двух гор, а по левую руку текла маленькая речушка». Этот перевал, добавляет он, очень известен из-за происходящих здесь частых атак герильи¹⁷. И чуть дальше, на подходе к Виттории, он высказывает схожие опасения. «Дорога к Виттории очень красива, но узка до Салинаса, где находится крутая гора, склон которой в сторону Испании пологий и легкий; там простирается широкая равнина, но густые леса, окаймляющие дорогу, позволяют врагу устраивать засады и пользоваться преимуществом при атаке»¹⁸. Даже в городах его туристический интерес никогда не бывает праздным, его взгляд во многом остается взглядом военного, на которого производят впечатление не пейзажи сами по себе, а их стратегический потенциал. Он никогда не может путешествовать, словно обычный турист, не думая о преимуществах армии¹⁹. Например, в Сеговии он отмечает, как красив город, возвышающийся над рекой, и продолжает с воодушевлением туриста, кое-что почитавшего о местной истории: «Укрепления, которыми она была окружена, и хорошо сохранившаяся крепость обеспечивали спокойствие этому городу, который раньше был знаменит в силу стольких причин и все еще достоин внимания путешественника благодаря своему собору и алькасару²⁰, построенному когда-то готскими королями, а также благодаря достаточно хорошо сохранившемуся акведуку, творению великого народа, оставившему повсюду памятники своего блеска и бессмертия. Часть Европы получает из Сеговии лучшую шерсть, что производится в Испании; есть еще замечательная зеркальная мануфактура и несколько очень интересных предприятий»²¹. Солдат-турист улучает время оглядеться вокруг и навести справки об увиденном.

Драгун Огюст Тирион в своих военных воспоминаниях идет еще дальше: он пытается соотнести культуру и географию Испании с характером войны, которую здесь ведут, и не скрывает презрения к народу,

¹⁷ Герилья (исп. *guerrilla*, от *guerra* — война) — название партизанской войны в Испании и странах Латинской Америки. Наиболее известна испанская герилья против французской оккупации 1808–1814 гг. — *Прим. пер.*

¹⁸ *Souvenirs militaires d'Hippolyte d'Espinchal / Éd. M. Molières. P., 2005. P. 266–67.*

¹⁹ *Petiteau N. Les voyages des hommes de la Grande Armée: de la vie militaire aux pratiques de la mobilité géographique // Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal. P. 363.*

²⁰ Алькасар — укрепленный замок в испанском городе. — *Прим. пер.*

²¹ *Ibid. P. 277.*

который, на его взгляд, плохо усвоил европейские нравы. Все определяется характером народа, его пороками и тем фактом, что «он остается чуждым окружающим его нациям». Тирион даже предполагает, что «если бы Испания была населена немцами, поляками или итальянцами, после двух-трех выигранных сражений страна была бы завоевана, как только покорилась бы столица; но это — невежественный, фанатичный, темный народ, который, живя посреди изобилия, столь гордится своей неприятельностью и образом жизни, сколь другие гордятся своим богатством и благополучием». По мнению Тириона, испанцы столь отличны от европейцев, что их сложно причислить к последним: «Испания отнесена к Европе вследствие географической ошибки, по своей крови, нравам, языку, образу жизни и способу ведения войны она — африканская страна». Он аргументирует это, обращаясь к истории Испании, что проливает свет на круг его чтения: «Две нации были слишком долго перемешаны, карфагеняне, пришедшие из Африки, вандалы, переселившиеся в Африку из Испании, мавры, прожившие там 700 лет, и это долгое сожительство, взаимопроникновение народов и обычаев привели к сплаву рас и нравов»²². В его изложении слышен отзвук мнения Руссо о влиянии жаркого климата на народы и даже зачатки идей о смешении кровей, которые будут занимать Гобино²³ и приверженцев социального дарвинизма. Он воспринимает испанцев как чужаков, людей иных и непохожих, наделенных всеми чертами потенциального врага.

Размышления Тириона подпитываются также военными соображениями, и он пишет о значении этих этнических выводов для ведения войны. По его мнению, именно в них следует искать объяснение герилье и необычному способу ведения войны, который используют испанцы. Последние напоминают ему «обоженных солнцем арабов, которые бывают одновременно и кровожадными разбойниками, и радушными хозяевами, проявляя бесконечное варварство или бесконечную гуманность; и, наконец, их сходство довершается аналогичной манерой вести войну. На Западе считается, что величие военного искусства заключается в точности маневров, нерушимости рядов, противопоставлении неколебимого фронта врагу. Западный солдат должен уметь продвигаться только вперед, а, встав под знамена, он не позволит себе отступить. Солдат с Востока, из Африки или Испании навсегда избавлен от необходимости следовать этому порядку; для него не существует рядов, для него кружить означает сражаться, уничтожить врага любым способом означает победить его; бежать значит увлекать врага за собой или уберечься от

²² Thirion A. Souvenirs militaires. P., 1998. P. 30.

²³ Гобино Жозеф-Артюр (1816–1882) — французский романист, социолог и историк, основоположник теории неравенства рас. *Прим. пер.*

него. Победа одерживается не как на Западе — в означенный день в определенном месте — и не важно, если приходится оставить поле битвы, пост или город, если завтра можно туда вернуться. Идеи славы и чести, которые воодушевляют воинов на Западе, на Востоке и Юге заменены идеей уничтожения врага, и это единственная цель войны: пусть стрела поражает противника, и никто не спросит, была ли она пущена при отступлении. Испанцы — это парфяне Европы»²⁴. То, что красноречиво излагает Тирион — это восприятие, присущее и другим — является одновременно и объяснением герильи, и сравнительным взглядом на два общества, имеющие совершенно различные корни.

Революционный дискурс

Впрочем, существует и другая концепция врага, характерная для революционного политического дискурса, которая глубоко укоренилась и значительно повлияла на восприятие другого. Такого рода заявления, цель которых — обострить отношения между французами и их противниками в войне, звучали со страниц *Moniteur*. Примечательно, что вся критика обрушивалась на характер врага, при том что его военные качества ничуть не у mažались. России ставили в вину жестокость ее солдат, которая, как утверждалось, была доказана, в частности, в недавней русской кампании против Польши; и то был, несомненно, удачный ход, чтобы вызвать злобу у французских солдат еще до начала боевых действий²⁵. Чтобы очернить австрийцев, рисовали мрачную картину антифранцузских настроений в Вене. «Ненависть к Франции и всему, что зовется французским, — сообщают в марте 1793 г. — в такой моде, что в столичных кругах, где все подчинено хорошему тону, как когда-то во Франции, запрещены даже самые мелкие обычаи этой нации. Штраф налагается на всех, кто проронит хоть слово на французском, даже высказывания месье и мадам на немецком запрещены»²⁶. А со вступлением в войну испанцев стали писать, что эта нация повторно предала Францию после того, как во время восстания на Санто-Доминго помогла «неграм» «истребить» французов в Форт-Дофине²⁷.

Цель таких заявления ясна — посеять в умах солдат недоверие к Другому, к его характеру и намерениям, побудить армию обращаться с противником без снисхождения, нападать без сочувствия и жалости. Во времена революции, ведя войну, считающуюся идеологической, можно далеко зайти и очернить целый народ, объявив его контрреволюционным или без-

²⁴ Ibid. P. 31.

²⁵ Réimpression de l'Ancien Moniteur. Vol. 14. P. 649.

²⁶ Moniteur. Vol. 15. P. 601.

²⁷ Moniteur. Vol. 22. P. 517.

нравственным. Этот аспект революционной пропаганды сначала проявился в Вандее, где представители власти старались изобразить восставших так, чтобы те были похожи не на людей, а на диких зверей. Их низводили в разряд варваров, сравнивали с волками и гиенами, которые «рыщут» и «бросаются на добычу», чтобы утащить ее в свое «логово». Эти слова не безобидны, напротив, это непосредственное и очень практичное побуждение к действию, поскольку к зверям необязательно относиться с тем же уважением, как к другому человеческому существу. Выбор слов отражает не только степень презрения честного республиканца к своему противнику, которого в этом случае воспринимают как фанатичного бунтовщика, одураченного аристократами, роялистами и неприсягнувшими священниками. Эти речи дают республиканцу право более жестоко обращаться с мятежниками, совершать насилие, попирает человеческие права, короче говоря, пренебречь привычной сдержанностью. И в довершение к тому, что вандейцев воспринимали как идеологических врагов и предателей Родины, в декретах, военных приказах и прокламациях командированных депутатов, им было отказано в принадлежности к роду людскому²⁸.

Случай Вандеи исключителен, поскольку речь идет о гражданской войне и ненависти, которую разжигает подобное противостояние. В отношении других европейских стран проявлялось больше сдержанности, хотя в описаниях и характеристиках уже слышны отзвуки еще более уничижительной пропаганды – пропаганды Великой войны, которая будет рисовать немецких противников в Бельгии как убийц младенцев и серийных насильников, одним словом, как безнравственных чудовищ, уничтожение которых совершенно оправдано. Обратимся, вероятно, к наиболее яркому примеру – Великобритании, являвшейся на протяжении веков объектом англофобии, которая с новой силой возродилась и была доведена до крайности в период войны. Признаки этой англофобии обнаруживаются уже в 1793 г., когда Франция объявила Великобритании войну; затем она вспыхнула вновь, с еще большим ожесточением, когда появились подозрения, что Лондон финансирует другие страны, воюющие против Франции. Республиканцам было трудно рисовать типичный образ англичан, поскольку традиционная англофобия в XVIII в. столкнулась с новым благожелательным и восхищенным отношением – англomanией. Этот дуализм проявляется в статье *Moniteur* о вторжении в Тулон 6 сентября 1793 г. Газета информирует своих читателей о том, что самые свежие новости «поведают, каковы эти англичане, которые осмелились назваться филантропами». Подобный заход отражает тот факт,

²⁸ О дискуссии относительно обращения с теми, кого называли бандитами см.: *Broers M. Napoleon's Other War: Bandits, Rebels and their Pursuers in the Age of Revolution. Oxford, 2010. особенно P. 1–18.*

что одной из важных характеристик, которую французское общественное мнение нередко приписывало англичанам, была филантропия. Читателям рассказывалось о жестоком и варварском поведении англичан в средиземноморском порту: «В городе существует военный трибунал, состоящий из англичан и испанцев. Этот трибунал отправляет в тюрьму патриотов, которых затем грузят на суда, уходящие в неизвестном направлении; число жертв уже достигло восьми сотен. Депутат Пьер Бейль был найден задушенным в тюрьме, неизвестно, сам ли он покончил с собой или же его убили эти чудовища». Последнее доказательство их варварства: «Гильотина была сожжена, и предатели, сдавшие Тулон, наслаждаются зрелищем того, как вешают их сограждан и ломают им хребты, будто простолюдинам»²⁹.

Главное обвинение со стороны республиканцев состояло в том, что Англия сделала войну отечественной, общенародной, и, начавшись как затея Питта³⁰ или лондонской элиты, та превратилась в дело всей нации. Это убеждение базировалось на совершенно французском представлении о суверенитете народа. Но поскольку некоторые все еще верили, что не следует смешивать население в целом и его правительство, в этом вопросе не было единодушия. Одни допускали, что народ «обманут лживыми воззваниями и лицемерными бандитами из собственного правительства», и верили, что «английская нация, будучи просвещена нашим примером, предаст суду своих высокопоставленных заговорщиков»³¹. Но для других это различие не имело значения, и сам факт того, что в Англии существуют конституционные органы, позволял англофобам высмеивать любую попытку проводить различие между британским народом и правительством. Наиболее четко это отношение выразил Бертран Барер: «Можем ли мы и впредь заблуждаться насчет различия между народами и правительствами?» В Англии, где правительство зовется народным, а народ, как точно замечает Барер, «имеет некоторое представительство», можно разве утверждать, что правительство не представляет весь народ? «Мы постоянно хотим отделить правительство от нации. Так пусть же английский народ сам отделится от своего хищного правительства! Пусть он докажет, что его кровь и богатства не должны расточаться в войне против человеческих прав и свободы наций»³². В соответствии с этой логикой, не только лично Уильям Питт, но и весь ан-

²⁹ Moniteur. Vol. 17. P. 757.

³⁰ 30 Уильям Питт Младший (1759–1806) – премьер-министр Великобритании во времена Французской революции. – *Прим. пер.*

³¹ 31 *Wahnich S. L'impossible citoyen: L'étranger dans le discours de la Révolution française.* P., 1997. P. 298.

³² *Ibid.* P. 306.

глийский народ становился объектом нападков и превращался во «врага рода людского»³³. Во врага, который помимо всего прочего, наводнил своими пособниками всю Европу, а те сеют раздор, разваливают армии, подрывают французскую экономику, используя свои банки, устраивают саботаж на флоте, ведут пропаганду с помощью памфлетов или прессы, и разыгрывают из себя патриотов в народных собраниях³⁴.

Революционеры клеймят личных врагов, объявляя их «заговорщиками» или «варварами», их противники становятся своего рода олицетворением Врага, а их образ — образ Другого — позволяет создать контр-идентичность для самой Франции. Чаще всего противников объявляют разбойниками, бандитами, людьми вне закона, сбившимися в шайки и вовлеченными в преступную деятельность, что лишает их политические требования всякой легитимности³⁵. Бандитизм — это явление, широко известное в XVIII в., особенно в горных долинах и автономных общинах, типичных для средиземноморского юга и пограничных районов Альп и Пиренеев. Разбойники и мятежники часто становились грозными противниками для революционеров, в особенности, для наполеоновских армий, а их история была одновременно блестящей и зловещей³⁶. Однако строгого различия не проводилось, в речах республиканцев разбойники упоминаются постоянно, их след видится в любом восстании или акте неповиновения режиму, а особенно в герилье или «малой войне». Разбойник лишен привилегий, которыми наделен солдат во время войны, и его способ воевать — свободно смешиваясь с гражданским населением, частью которого он является — позволяет французской армии распознавать его не самыми цивилизованными методами, проще говоря, с известной долей варварства. Этот способ описания Другого является также способом соотнести себя с ценностями цивилизации и, следовательно, найти оправдание своим действиям. Как напоминает нам Микаэль Яйсман в своем исследовании о понятии национального врага, «эти противоположные лингвистические ярлыки в равной мере характеризуют центральную фигуру врага, которая со времен Революции до окончания Первой мировой войны играла важнейшую роль в формировании французской идентичности и, можно сказать, представляет собой ключ к французской семантике национального противопоставления варварам»³⁷.

³³ Ibid. P. 281.

³⁴ *Hampson N.* The Perfidy of Albion: French Perceptions of England during the French Revolution, Basingstoke, 1998. P. 118–19.

³⁵ *Forrest A.* The ubiquitous brigand: the politics and language of repression // Popular Resistance in the French Wars: Patriots, Partisans and Land Pirates, Basingstoke, 2005. P. 25–43.

³⁶ *36 Broers M.* Napoleon's Other War. P. 18.

³⁷ *Jeismann M.* La patrie de l'ennemi: la notion d'ennemi national et la représentation de la nation en Allemagne et en France de 1792 à 1918. P., 1997. P. 127.

Но что сказать об отношении самих солдат? Воспринимали ли они идеологические послы своих политиков и видели ли в своих противниках лишь невежественных дикарей? В Вандее, действительно, заметна тенденция буквально воспринимать политические заявления и испытывать презрительное отношение к врагу, когда речь идет о его способе ведения войны. «Разбойники — это люди, не способные воевать, как воюем сегодня мы», — объясняет один стрелок в письме к сестре. «Что они делают, так это сбиваются в десяток или дюжину и продвигаются вдоль какой-нибудь большой дороги под прикрытием деревьев. Если они увидят трех-четыре несчастных добровольцев, совсем без оружия, или возвращающихся из госпиталя... они показываются и пытаются их убить, чтобы завладеть их имуществом. Вот каковы их славные подвиги»³⁸. В глазах республиканцев вандайцы — всего лишь бунтовщики, вооруженные крестьяне, убийцы, нанятые аристократами и священниками. Впрочем, часто политика забывается, и противника судят строго по военным критериям. Дело в том, что в Европе существует общая военная культура, которая для многих офицеров является культурой самого христианства. Но за пределами Западной Европы — на Карибах или в России, среди азиатских народов — к врагу начинают относиться с преувеличенным страхом. Считается, что эти люди не сражаются тем же оружием, не разделяют тех же представлений о чести и не соблюдают тех же правил ведения войны.

Один французский офицер чувствует себя оскорбленным, когда башкирские конники, считающиеся самыми жестокими в русской армии, выпускают стрелы по его людям³⁹. Тревогу порождает отсутствие определенности — уже непонятно, чего ждать. Но даже страх не может скрыть некоторого восхищения перед военными качествами этих солдат, в том числе казаков, молва о садизме и жестокости которых бежит впереди них самих. Французы признают, что редко могут сравниться с ними в скорости перемещений и владении боевой тактикой; к тому же это — великолепные наездники на маленьких, крепких и выносливых лошадях. Кажется, сам Наполеон признавал казаков храбрыми противниками и грозными врагами⁴⁰.

Имперские солдаты уважают военные достоинства противника, но гражданское население, если только оно берет в руки оружие, укрывает врага или вступает в ряды сражающихся, судят зачастую намного строже. Согласно кодексу поведения на войне, необходимо делать различие между военными и гражданским населением: теми, кто ведет войну, и теми, кого в определенной мере следует защищать. Не соблюдать это-

³⁸ *Forrest A. Napoleon's Men. The Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2002. P. 128.*

³⁹ *Roos H., von. Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée. P., 2004. P. 92.*

⁴⁰ *Memoirs of General de Caulaincourt, Duke of Vicenza, 1812–1813. L., 1935. P. 187.*

го различия — значит разжигать вражду и пересечь ту черту, что отделяет цивилизацию от варварства, это означает также позволить армии мстить гражданскому населению. Уточним, что солдат всегда помнит о том несходстве, которое лежит в основе его впечатлений от других стран и цивилизаций. Октав Левавасер, офицер артиллерии и адъютант маршала Нея, располагал прекрасными возможностями, чтобы наблюдать характер различных народов, и оставил по этому поводу комментарии, порой совершенно поразительные. Во многих странах он чувствует себя уверенно, поскольку «цивилизация тамошних жителей показалась мне мало отличающейся от французской», таков всегдашний главный критерий. «Германия, имеющая общую границу с нами, должно быть, заимствовала что-то из наших привычек, а мы у нее. Нравы и обычаи народов более или менее похожи от Парижа до Варшавы и изменяются лишь в зависимости от климата, религии и законов»⁴¹. В краях, простирающихся за Польшей, поражает именно отличие от всего привычного.

Между тем, дикари и варвары встречаются не только в странах, находящихся на задворках Европы, или там, куда не распространилось цивилизаторское влияние Парижа. Все крупные города кажутся цивилизованными, творением рук человеческих, и это одна из причин, по которой французы испытывают потрясение, наблюдая в Москве, как русские предадут огню собственную столицу. А деревни, даже не слишком далекие от Франции, могут хранить варварские обычаи и поверья или же оставаться дикими и непросвещенными, настоящими символами запустения и варварства. В Испании, отмечает Левавасер, «нет ничего того, что примечательно в других краях. В четырех лье от Байоны кажется, что ты в тысяче лье от Франции», и это заметно даже по пейзажу. «Мало равнин, местность волнистая и всегда увенчанная на горизонте высокими горами; много ручьев с водопадами, но совсем нет заводов, которые использовали бы это; на вершине — скалы, дома, или скорее орлиные гнезда, построенные во времена мавров, но на склонах холмов нет тех деревень или разбросанных жилищ, которые придают пейзажу живость и одушевленность. Земля всегда готова давать плоды, но ее никогда не возделывают; лишь дикие бараны и бычки топчут вечные пустоши; величие природы — повсюду, но нигде не разглядишь мощи человека, за исключением окрестностей городов, потому что руки нерадивых испанцев не доходят дальше»⁴². Этот невзрачный, если не сказать пустынный, вид Испании производит сильное впечатление; она представляется страной, которая не была приручена человеком и остается в варварстве. Это под-

⁴¹ *Levavasseur O.* Souvenirs militaires d'Octave Levavasseur, officier d'artillerie, aide de camp du maréchal Ney. P., 1914. P. 121–22.

⁴² *Ibid.* P. 122.

крепляет теорию Европы, разделенной на развитый Север и отсталый Юг, теорию воображаемой географии, которая развивается вместе с торговлей и индустриализацией, иначе говоря, вместе с распространением некой идеи о современности.

Такое представление вовсе не уникально, ибо в XVIII в., питавшемся идеями просветителей, популярны были понятия цивилизации и культуры, теории о разделении континента на развитые и отсталые регионы, будь то в экономическом, религиозном или культурном плане. У этой идеи были предшественницы: в эпоху Ренессанса средиземноморские страны считались колыбелью цивилизации и искусства. Но именно XVIII столетие и особенно Германия эпохи Просвещения постарались узурпировать идею цивилизации и соотнести ее в основном с западными странами. Восточная Европа оказалась изгнана из этой «культурной Европы» и в западном воображении предстала как край недостаточно развитый, регион на полпути между христианской Европой и Османской империей, одновременно экзотический и варварский.⁴³ Немец или австриец, вступивший туда, окажется в чуждой среде, в мире преимущественно крестьянском, грязном, нищем и, на его взгляд, отвратительном, где нет надежных домов или хороших дорог, в общем, лишенном всех тех атрибутов городской жизни, с которыми ассоциируется цивилизованность. К примеру, радикалу Георгу Форстеру Польша представлялась краем грязным и бездумно разоряемым, ее народ «полудиким, получивилизованным», а страна нечистоплотной «как в моральном, так и в физическом смысле»⁴⁴. Но таким виделся не только Восток, который ассоциировался с бедностью и недостатком культуры. Для западного европейца, привыкшего к более развитой городской культуре, к более утонченным нравам, варварством дышит деревня, распыленная по обширным территориям и необлагороженная; и это он чувствует повсюду, как только удалится от родного дома – и в средиземноморских странах, и к востоку от Эльбы. Путешествие может воспитать и научить ценить чужую цивилизацию. Но мало кто отправляется в путь без предположений и предрассудков в отношении чужой культуры. И очень часто путешествия военных лишь подтверждают предположения, порожденные обрывочными сведениями, юношеским чтением или навеянные эпинальской картинкой⁴⁵, увиденной однажды на рынке у бродячего торговца, проходившего через деревню.

⁴³ *Wolff L.* *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilisation on the Mind of the Enlightenment.* Palo Alto, 1994. P. 4.

⁴⁴ *Liulevicius V.G.* *The German Myth of the East, 1800 to the Present.* Oxford, 2009. P. 51.

⁴⁵ Эпинальские картинки – иллюстрированные листки, печатавшиеся в XVIII–XX вв. в городе Эпиналь (Франция), рассчитанные на детей и взрослых и освещающие самые разнообразные темы. – *Прим. пер.*

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>